

СЕКС, ВЕНИКИ И ЕЖИКИ*

1

Ночью Михаила Н. опять разбудил страшный грохот от пролетающего под окнами мотоцикла. Если б была винтовка, даже без оптического прицела, то этого любителя кататься по ночам на мотоцикле без глушителя он давно бы пристрелил. А так вскочил с постели, и от ярости пропало забытье во сне. И снова эти навязчивые мысли о сексе, не отпускающие весь день, каждую минуту, заслоняющие весь мир и требующие всё больше и больше мыслительной энергии.

Когда-то он был ученым, изучал математику, логику, философию, и имел неплохие публикации. Но заниматься умственным трудом становилось все труднее, потому что все мысли были направлены только на обладание женщиной. И чем больше он чувствовал, что может не получиться, тем многообразней, продолжительней и настойчивей он получал это в своих фантазиях и представлениях.

Единственное облечение приносил сон, который приходил только под эти мысли и только в их плену он мог заснуть. Но вот опять это чудовище на мотоцикле вернуло его в ту безумную реальность, и он долго стоял у окна, провожая в бешенстве затихающие раскаты выхлопной трубы.

2

В такие минуты отчаяния, тоски и одиночества ему вспоминалась одна и та же картина из далекого детства в забытом Богом городишке на краю цивилизации. Отец в одном из последних боев уже выигранной войны был тяжело контужен и, видимо, поэтому в их большом деревянном доме ходили на цыпочках и разговаривали только шепотом. Там была хорошая библиотека классической литературы, но детям не разрешали даже прикасаться к стеллажам, чтобы не испортили книги. Особенно ужасны были осенние дождливые вечера, когда не только в доме, но и все вокруг сгибалось под тяжестью мрака. В такие вечера он сидел сторбившись на крыльце, дрожа от холода и растворяясь в полной своей ненужности кому-нибудь.

Но однажды произошло чудо. От сарая, под которым жили ежики, протопала к крыльцу ежика с яблоком штрифеля на иголках. Подойдя ближе, она потерлась о ботинок и высунула свой носик. Только потом он догадался, что ежика предлагала ему яблоко.

3

Михаил все еще стоял у окна, понимая, что для успокоения, надо срочно что-то предпринять, найти какое-то занятие, расслабиться и затем (чего в

---

* Авторская идея Татьяны Гобзевой.

жизни у него, человека робкого, никогда не было) попытаться в убаюкивающих мыслях трахнуть какую-нибудь безответную красавицу. «Хотя, можно и не красавицу», – сосредоточенно думал он, – «а то с ними хлопотно. Или повеселиться с двумя податливыми телками?»

В поисках чего-нибудь почитать, на научную литературу даже смотреть не мог, он вдруг обнаружил роман, который рассказывал о жизни одного богатого средневекового сеньора, приятной обязанностью которого было использовать право первой ночи (лат. *Ius primae noctis*). И сразу же попал на то место, где этот счастливый сеньор проводил ночь с невестой своего крестьянина, лишая ее девственности. Михаила это так воодушевило, что он немедленно стал писать свой роман. Чтобы снять все ограничения и получить максимальное удовлетворение, он перенес действие романа не в какие-то там далекие времена, а в нынешнее время, правда, в другую галактику, но с планетой очень похожей на Землю.

4

Великий воин, огромной физической и мужской силы, прославленный в битвах не хуже Геракла, имел право первой ночи не только со своими крестьянками, но и со всеми, кто был у него в подчинении. При этом законы сопредельных государств были таковы, что когда он появлялся там с женой по приглашению или без оно, ему должны были предоставлять наложницу на все время пребывания. Также само собой подразумевалось, что самая знаменитая и опытная жрица любви проводит с ним первую ночь по прибытию. На этом фоне разворачивались грандиозные исторические события, определяющие будущее всей планеты.

Когда роман был окончен, он в электронном виде отправил его своему лучшему университетскому другу Александру К., сопроводив письмом с подписью “Мастер”, и попросил обязательно дать прочитать роман Маргарите, жене Александра, что последнего несколько насторожило. Но памятуя об их старой дружбе, Александр всё прочитал, и передал жене, а сам тут же поспешно уехал с дачи. Когда он через несколько дней приехал обратно, Маргарита, женщина на редкость умная и обаятельная, коротко сказала: «Сожгла в печке, не дочитав первой страницы». – «А что же я ему скажу?» – растерянно спросил Александр. Загадочно улыбнувшись, Маргарита ответила: «Скажи ему, что мы строим баню. Наверху будут сохнуть и храниться веники, а фундамент сделаем не ленточный, а столбиками, чтобы внизу могли жить ежики...»

5

Неизвестно, как развивались бы события дальше, если бы Михаил не стал самозабвенно уточнять некоторые тонкие детали в своей книге, и так погрузился в это занятие, порой забывая про еду и сон, что однажды ушел в свою любимую баню, не закрыв файл. Тогда-то жена Михаила Надежда все прочла и, сделав копию усовершенствованного романа, поняла, что надо срочно искать врача.

60-летний сексопатолог Сергей Сергеевич Полухренов, которого Надежда нашла по рекомендации за большие деньги, был высокого роста, но не очень, наполовину худощав и был то ли вдовцом, то ли разведенным. Сергей Сергеевич был весьма одарен, образован и кроме своей основной специальности интересовался разными старыми и новыми психологическими теориями. Он даже имел степень кандидата психологических наук по специальности “Психология приматов”. К тому же, он был большой поклонник теории эволюции Дарвина и порой глубоко задумывался о том самом недостающем звене на пути превращения обезьяны в человека. Михаил без колебаний согласился лечь в специальную клинику санаторного типа на обследование и даже отказался от компьютера, когда жена пообещала ему построить баню, где наверху будут сохнуть и храниться веники, и фундамент будет не ленточный, а столбиками, чтобы под баней могли жить ежики.

При первом посещении сексопатолог был очень осторожен, ничем не показывая, что ознакомился с романом пациента. Заговорил о плохой осенней погоде, но это настолько ухудшило состояние Михаила, что доктор быстро сменил тему и стал рассказывать о некоторых новых веяниях в обществе и о том, что с мужчинами пожилого возраста, кому за 60, происходит что-то странное. Вспомнив, что ему столько же, Михаил поинтересовался проблемой, озаботившей доктора. Оказалось, что эти мужчины перестают заниматься интеллектуальным трудом, теряют связь с реальностью и вообще быстро деградируют, все больше и больше интересуясь сексом. Только малая часть из них способна написать интересную книгу, которая стала бы путеводной для молодежи. Тут Михаил оживился и сказал, что он как раз это собирается сделать, и после некоторой паузы осторожно добавил, что уже кое-что написано. Осталось только расширить и углубить.

«Ширше и глыбже – хороший девиз», – на этот раз оживился сексопатолог, и видя, как горят глаза у пациента, решил брать быка за рога: «А как у вас с сексом?» Михаил слегка смутился и спросил: «Где? Здесь?» – «Ну, здесь еще рановато. Вы тут только второй день. Я имею в виду, как у вас вообще с сексом?» – «Нормально, как у всех нормальных людей моего возраста». – «Очень хорошо, как я рад за вас! А вот не можете ли вы вспомнить самое первое и незабываемое впечатление от женщины? Знаете, – тут он дружески похлопал Михаила по плечу, – у меня первое впечатление определило всю мою дальнейшую жизнь». – «Конечно, могу, в женской бане». – «Как все просто, – подумал доктор, – да, Зигмунд Фрейд великий ученый. Либи́до и еще раз либи́до». После чего спросил: «А как вы там оказались и что увидели? Поподробнее». Глаза у Сергея Сергеевича заблестели и лоб покрылся испариной.

«Отцу было не до нас, и мать брала нас с братом, сколько допускал возраст, в привокзальную баню. В тот раз я сидел в шайке с водой, стоявшей на скамейке, как вдруг справа открылась дверь и в клубах пара появилась необычайно красивая женщина (тут сексопатолог застонал) с *веником*. Этот веник я никогда не забуду». – «С каким веником?» – ошарашенно спросил доктор. «Да сейчас мне трудно сказать, столько лет прошло. Наверное, березовый. Потом, когда уже ходили с отцом, то всегда был березовый веник за рубль. Березовый – он с запахом, а я обожаю дубовый. Когда паришься, он более плотно облегает тело, особенно спину. Но цена одинаковая. А сейчас в

Ржевских банях веник стоит триста рублей. Понимаете, триста и один. За триста рублей можно купить три бутылки хорошей водки. А приходится такие деньги тратить на веник. Хотя недавно в Ельдигино я купил два веника по двести. Но плохие, на один, в лучшем случае, на два раза хватает. А вот в прошлую пятницу приятель привез мне из Тарасовки тоже два веника по двести, зато канадский дуб! Один веник – на семь-восемь раз хватает! Из Ельдигино – на один-два раза, а из Тарасовки – на семь-восемь раз, правда, канадский дуб. Один-два раза, или семь-восемь раз? И всё по двести. Баня без веника, что секс в болотных сапогах», – заключил Михаил.

При слове “секс” Сергей Сергеич очнулся от столбняка. Только он успел подумать, что случай очень не простой, придется поработать, как Михаил продолжил: «Это до деноминации веник стоил рубль, а вот после деноминации...» – «Какой еще деноминации?», мрачно перебил его доктор. – «Ну, в 1961 при Хрущеве была деноминация денежной системы. Я ее хорошо помню, и веник стал стоить десять копеек. А сейчас в Ржевских банях веник стоит триста рублей. Понимаете, триста – и десять копеек. За триста рублей...» Опираясь на все про Ельдигино, Тарасовку и болотные сапоги, Сергей Сергеич, чтобы избежать нового повтора, поднялся и сказал, что обязательно доведет до правительства проблему с вениками, а то занимаются там черт знает чем. После этого скупно попрощался с Михаилом и срочно помчался к его жене.

6

Сергей Сергеич ворвался в квартиру и сразу строго спросил, почему ему ничего не сказали про веники. «Какие веники?», – испуганно спросила Надежда. – «Дубовые, – выпалил сексопатолог, и продолжил, – потому что, когда ваш Миша увидел в бане очень красивую женщину...», – но закончить он не успел. Надежда, рыдая, стала говорить, что она догадывалась об этом, когда он по пятницам уходил на целый день в баню, что застроили всю Москву барделями под вывеской “Сауна” и т.д. и т.п. Наконец, Сергей Сергеич с трудом прервав ее, сказал, что это было очень давно, и не в Москве, и что Михаилу было около четырех-пяти лет, когда... Но тут Наденька упала в обморок. Когда обморок прошел, он стал объяснять, что дело не в сексе, а в вениках, что секс – это только прикрытие, и случай этот очень не простой. По крайней мере в его практике, а может и во всей мировой – ничего подобного не было. И Сергей Сергеич попросил Надежду рассказать ему все, что она знает о вениках. Она вдруг вскочила и затараторила: «Ну, как же, ну, как же я не догадалась. Ведь это ежу ясно, что он меня дурачил, а еще иногда после бани приставал...» Сергей Сергеичу очень хотелось спросить, в чем это приставание выражалось, но он пересилил себя, решив придерживаться основной версии. И оказался прав.

7

Надежда рассказала, как однажды Михаил весной вместе с шурином, то есть, с ее старшим братом Славой и другими приятелями решил отпраздновать день рождения в бане. Вернулся он очень поздно и сильно выпивши. Ко-

гда Миша ложился спать, она с ужасом увидела, что вся его спина и, конечно, пониже была иссечена прутьями. Тогда Наденька еще подумала, какие все-таки дикие нравы царят в нашем обществе: ну, провинился человек, а его так жестоко высекли розгами, да еще в день рождения. А наутро Михаил рассказал, что денег на веник не было, хотя он стоил копейки, поскольку все ушло на водку, которую затем отлакировали дешевым портвейном. Под закрытие бани ему очень захотелось хоть раз попариться с веником. Тогда в мусорном баке он нашел несколько прутьев, даже редкие листочки на них были, и попросил Славу, здоровенного мужика, попарить его, пообещав за это налить. Ну, тот и постарался. А боли он не чувствовал... После этого они со Славой решили обязательно заготовить веники впрок и даже нарезали в лесу два мешка дубовых веток. Но все сгнило под дождем.

Немного подумав, Надежда сказала: «А ведь сейчас в Ржевских банях веники по триста рублей. Да за триста рублей можно купить три...» Тут она услышала стон – Сергей Сергеич, держась за стенку, умолял ее ничего не говорить о Ельдигино и Тарасовке. «Лучше секс в болотных сапогах, чем ваша баня с веником», – с отвращением произнес сексопатолог. «Болотных сапог у меня нет, – твердо сказала Надежда, – но я еще Вам не сообщила самого интересного, я про это никому не рассказывала. Муж тоже никому не рассказывает». И такой у нее был вид, что Сергей Сергеич тут же пришел в себя.

8

Как-то пошел Михаил в баню. Уже стал подходить, а тут машина грузовая подъезжает и останавливается, грязная, видно из далека. Он сразу понял, что это редкая удача, и такой удачи больше в его жизни не будет. Привезли веники. Причем – контрабанду. В Подмосковье уже нечего было резать, поэтому им надо быстро оптом по дешевке скинуть и смыться. Банщики берут по полтиннику за штуку, а продают в три-четыре дороже. Тогда веники были еще по двести... «Где-то еще по двести?» – жалобно спросил Сергей Сергеич. «Где, где? Еще недавно в Ржевских банях веники были по двести. Это сейчас по триста...», – ответила Наденька, недовольная тем, что ее прервали.

«Предложил он мужикам не по полтиннику за веник, а по столярнику, с тем, чтобы домой к нему привезли и помогли разгрузить. Главное, чтоб банщики ничего не заметили. Короче говоря, приезжаю я с дачи за деньгами, спрятанными на квартире. А здесь надо сказать, что мы недавно переехали, старый дом признали аварийным и нас расселили. Предложили хорошую двушку, но без остекленного балкона. Муж ни в какую: «У всех друзей или гаражи, или крытые балконы, а чаще и то и другое. А у меня ни хрена. *Где хранить веники???*» – кричит. Каждый раз доходило до ругани. Но тут мне пришла идея. Я согласилась на балкон (на самом деле пенальчик, суживающийся в одну сторону, но крытый), а он поклялся больше не пить. Ведь сколько денег уходило на кодировку!

Кстати, недавно звонил наш нарколог, Александр Владимирович, я с ним подружилась, он нам как постоянным клиентам скидку делал – и спросил, почему мы ему не звоним, неужели муж помер? Ну, я ему и сказала, что, наверное, страсть к веникам вылечила его от хронического алкоголизма, что уже седьмой год ни грамма крепкого, только в бане пивком балуется, а на

официальных банкетах позволяет себе одну-две бутылочки сухонького. Он даже вскрикнул: «Сколько? Это после всех кодировок и больниц! Такого в мировой практике еще не было. Для него и 15 грамм в пересчете на этиловый спирт – смертельная доза». А потом говорит: «Или это величайшая революция в наркологии, или прикрытие...» – Я только успела спросить: «Прикрытие чего?» – как он отключил телефон.

«Ну, вот, захожу я в квартиру, и ничего не узнаю – повсюду дубовые веники. Балкон забит так, что между вениками нельзя просунуть даже мизинца. Ванная доверху, а в прихожей, где зеркало – до потолка. В кабинете все книги свалены в угол, а на полках – веники. Денег, конечно, нет – он ими расплатился. Единственно, что приятно, это запах, лесной запах».

«Лес, конечно же первобытный лес, – закричал Сергей Сергеич, и даже в лице изменился. – Это атавизм далекого прошлого, он себя окружал лесом». И стал говорить о тайнах подсознания, о новых технологиях проникновения во временной ряд событий посредством регрессивного гипноза и даже о выведении на экран, при отсутствии явных патологий, картин далекого прошлого. В экстазе он бросился целовать Наденьку и от радости стал хватать ее за разные места. Не обратив внимание на пощечину, Сергей Сергеич выскочил из квартиры. Однако через несколько минут он опять позвонил в дверь. «Какой настойчивый, – почувствовав легкое волнение, подумала Надежда, быстро поправила прическу и открыла дверь. «А где веники?» – сходу спросил Сергей Сергеич, – «По моим подсчетам, если исходить из того, что дубового российского веника хватает на три-четыре раза, почти на месяц – веников ему должно было хватить лет на сто! А здесь пусто». – «Высохли и рассыпались, на балконе вообще все было закупорено, боялся, что туда дождь попадет, и успел использовать штук пятнадцать. Потом целый месяц разносил ведрами по помойкам. Ночами, чтобы никто не видел...» Но Сергей Сергеич не дослушав, ринулся прочь.

9

На следующий день, Сергей Сергеич, будучи в прекрасном расположении духа, объявил Михаилу, что его погрузят в гипноз и с помощью самого современного оборудования просканируют сознание, чтобы выявить очаги беспокойства и навязчивых мыслей. Тогда можно будет помочь другим, таким же озабоченным. На что Михаил ответил, что готов послужить науке, но его очень беспокоит, выложил ли он веник из банной сумки, а то сопрет. «С веником мы разберемся, обязательно разберемся», – зашебетал Сергей Сергеич, начиная подготовку к эксперименту, который впоследствии заинтересовал ряд ведущих ученых из Академии медицинских наук.

Сперва ничего не получалось, поскольку нужно было войти в резонанс с участком мозга, отвечающим за воспоминания. В одном месте осциллограмма странным образом деформировалась, стягиваясь в точку, и здесь пришлось быть очень внимательным с амплитудой сигнала и формой импульсов до тех пор, пока не стали появляться первые картинки, правда, довольно размытые и нечеткие. Потом начали проступать более определенные очертания, и Сергей Сергеич беспрестанно требовал увеличить интенсивность электрического заряда. Проскочил эпизод падающего горящего самолета, чуть за-

держались на огромном воине, закованном в рыцарские доспехи, мелькнула битва римских легионеров на берегу небольшой речушки, хижина, поля, пещеры и вдруг лес, вернее поляна, окруженная лесом. На ней, на бугорке, восседала большая обезьяна, а поодаль еще несколько симпатичных обезьян, полукругом, по-видимому, самки.

«Здесь! – сорвался в голосе Сергей Сергеич, и добавил, – австралопитек». «А что он держит в руке? – спросил кто-то. «Веник», – ответила уборщица, случайно зашедшая в комнату. – Смотрите, ветки в основании чем-то обвязаны, наверное, лианой, значит веник». – «Ежу понятно, что веник, – сердито оборвал ее Сергей Сергеич», и вдруг все замерли. Из леса выскочили еще несколько обезьян и набросились на самок. Видно было, как они визжали от радости. Сидящий на бугорке вожак, сгоряча отбросил веник в сторону и бросился в припрыжку на четырех лапах к обидчикам. Но вожак не сразу понял, что насильование самок было всего лишь отвлекающим маневром, потому что из лесной чащи выскочила на четвереньках еще одна обезьяна, схватила веник и исчезла, а за ней все остальные. Вот тут-то и произошло самое удивительное: вожак впервые встал на задние лапы, что-то произнес (отчего специалистка чтения по губам густо покраснела), сделал несколько шагов по направлению к тому месту, где только что лежал веник, и разрыдался.

Невозможно описать восторг, охвативший Сергей Сергеича. Он почувствовал приближение чего-то великого и грозного, способного полностью перевернуть концепцию происхождения человека. Все засветилось, как будто ему только что объявили о присуждении нобелевской премии. «Да, что там премия, – рассуждал он вслух. – Наконец-то решена сложнейшая проблема, мучавшая не одно поколение ученых: как австралопитеки перешли к прямохождению. Но главное, найдено и окончательно обосновано то самое недостающее звено при переходе от обезьяны к человеку. Теперь ясно, – продолжал он в эйфории развивать мысль, обращаясь к коллегам, – что с этого времени австралопитеки стали заготавливать веники впрок и это явилось решающим фактором развития экономических отношений! Тогда же появились первые зачатки человеческой речи». Тут он заявил о никчемности теории Фрейда, концентрирующей внимание на всепоглощающей роли либидо в жизни человека, и о том, что совершенно правильно Карл Юнг порвал с Фрейдом и развил теорию архетипов коллективного бессознательного, лежащих в глубинах человеческой психики. Наконец, совершенно потрясенный сексопатолог с чувством глубокого достоинства заявил: «Теперь ясно, что *веник является главным архетипом гуманоидной цивилизации*». Наступило молчание, после которого все, включая уборщицу и дежурную сестру, бросились поздравлять Сергей Сергеича, а при подбрасывании чуть не уронили его на кровать Михаила.

Михаил сразу же после эксперимента вернулся домой, обласканный Сергей Сергеичем, который на прощание долго тряс ему руку и льстил, что Михаил является глубоко гармоничной и всесторонне развитой личностью, не то что все эти уроды: «Вино, женщины, баня с хорошим веником из канадского дуба, творчество... Как все это прекрасно!»

Прошел месяц. Михаил значительно углубил свою книгу и, разослав ее в самые крупные издательства и всем знаменитым кинорежиссерам, стал с нетерпением ждать. Сергей Сергеич Полухренов быстро написал статью о главном архетипе человечества и отправил ее в «Доклады РАН». Это как раз был год выборов в академию, и Сергей Сергеич, минуя член-коррство, сразу подал документы на академика. Популярность его в научных кругах стремительно росла, а фамилия все чаще и чаще стала появляться в средствах массовой информации.

Но внезапно его вызвали в одну организацию, где приняли довольно-таки холодно. Оказалось, что экспериментом с Михаилом Н. заинтересовался отдел «Стратегических инициатив». Там затребовали все данные и неожиданно выяснилось, что материал автоматической съемки всего виденного во время эксперимента поврежден, а особенно в том месте, где появляются и исчезают пришельцы, укравшие веник, хотя хорошо видно, как потерпевший встает на задние лапы и что-то кричит вслед. Дело в том, что аналитики из отдела «Стратегических инициатив» постепенно осознали весь размах и многоходовость проведенной австралопитеками операции, а главное, незаурядный интеллект проявленный при ее разработке. Срочно созданный оперативный штаб пришел к выводу, что они имеют дело с двумя расами человекообразных обезьян, которые после этого инцидента стали развиваться параллельно, находясь в непримиримой вражде друг с другом. Некоторые отличия в черепях между двумя группами человекообразных просматриваются очень смутно и поэтому весьма желательно (здесь была сделана многозначительная пауза) повторить эксперимент. На что Сергей Сергеич не сдержавшись воскликнул: «А на хрена вам это надо», – и тут же осекся, почувствовав пронзающую боль в переносице от лазерного взгляда руководителя оперативного штаба. Наступило тягостное молчание. «Хорошо, я отвечу Вам, – вдруг произнес некто, сидящий в углу в затемненных очках. – Может быть *они* среди нас..., и опять что-то готовят. Вам будет оказана вся необходимая помощь и предоставлены дополнительные финансовые средства».

Сергей Сергеич облегченно вздохнул и только собрался откланяться, как его остановил руководитель оперативного штаба: «А теперь самое главное. Наши специалисты по Древнему Риму установили, что зафиксированное камерой сражение между римскими легионами состоялось в 49 г. до н.э. на реке Рубикон, но такого сражения, как хорошо известно, в 49 г. до н.э. на реке Рубикон никогда не было. Там вообще никогда не было сражений... Юлий Цезарь 10 января указанного года беспрепятственно перешел Рубикон и вскоре захватил Рим. Все эта история с австралопитеками может оказаться прикрытием». Сергей Сергеич вздрогнул и заикаясь спросил: «Прикрытием чего?» – «Вот это Вам и предстоит выяснить, – сухо ответил человек в темных очках, и тихо добавил, – это в Ваших интересах».

Сергей Сергеич позвонил Михаилу и сказал, что нужно провести еще одно обследование такой выдающейся личности как Михаил. Тем более, что

правительство выделило значительную сумму для построения двухэтажной бани с мансардой размером 8м. × 7,6м. из оцилиндрованного бревна и бруса ХСМ-60 на даче Михаила. Причем, базовый проект решено было улучшить с той целью, чтобы в ленточном массивном фундаменте сделать проходы для ежей. Но главная фишка состояла в том, что по углам бани и у мест пересечения стен будет посажен канадский дуб. Здесь Сергей Сергеич замолчал и многозначительно посмотрел на Михаила, как бы испытывая его. «Яблони», – решительно сказал Михаил. – «Какие яблони? – с удивлением произнес Сергей Сергеич, слегка отшатнувшись. – «Штрифель, ежики любят сладенькое».

Сексопатолог ушел весьма озадаченный и встревоженный. Дело принимало совершенно неожиданный оборот, и наука здесь могла оказаться бессильной. В отчаянии он решил связаться с женой Михаила, надеясь от нее получить хоть какое то разъяснение и успокоение. Только достал телефон, как он тут же зазвонил, и на дисплее появилось – “Наденька”. С некоторым злорадством Наденька произнесла: «Миша без всякой причины в прошлую пятницу пропустил баню». – «Ну, и что здесь такого? Я тоже вчера не был в бане», – попытался пошутить Сергей Сергеич. – «Да, но вы никогда не знали, какое это счастье, а Миша за сорок лет, что мы живем вместе, впервые пропустил баню, а там ведь пиво, друзья, домино...» Послышалось всхлипование и вдруг, сквозь слезы прорвалось: «Я чувствую, женским чутьем чувствую, что веники – это только прикрытие...» Послышались короткие гудки, и Сергей Сергеич медленно опустил трубку.

12

Несмотря на прединфарктное состояние, Сергей Сергеич решил не откладывать обследование Михаила, тем более, что уже был опубликован проект ликвидации Российской Академии Наук, а американцы стали готовить ракетный удар по Сирии...

Через два дня в той же самой клинике санаторного типа собралась внушительная и очень серьезная компания. Были представители из различных профильных министерств, а также из Президиума РАН, Ген. штаба, Совбеза, ФСБ и даже СВР, а также еще какие-то личности. На всякий случай пригласили жену Михаила, а также его лучшего друга Александра.

Перед тем, как начать очередной эксперимент, Сергей Сергеич спросил у дежурной сестры, как прошла ночь Михаила. Сестричка сказала, что очень хорошо, сон был глубокий, пациент от чего-то балдел и даже от удовольствия похрюкивал. «Так, так, значит надо ввести его в глубокий сон, – с облегчением произнес Сергей Сергеич и распорядился начинать. Опять осциллограмма начала деформироваться, стягиваясь в точку, но на этот раз еще более активно. Вскоре стало ясно, что входы в подсознание полностью заблокированы, а вернее, подавлены необычайно сильным очагом возбуждения, и все вращается вокруг “прилежащего ядра”, расположенного в префронтальной коре головного мозга. Сергей Сергеич вспомнил свой разговор с медсестрой и понял, что надо искать так называемый “центр удовольствия”. Напряжение присутствующих возрастало, но экран только мерцал, правда, иногда пугающе вспыхивая.

Чтобы хоть немного снять напряжение, представитель совбега с явным удовольствием произнес: «Эх! В баньку бы сходить, в Ржевские, прекрасная баня. Но веники там по триста, хватает на три-четыре раза». – «Я за триста рэ лучше две пол-литры куплю», уверенно сказал представитель Ген. штаба. «А в Тарасовке по двести и хватает на семь-восемь раз, канадский дуб. Мимо ехал, закупил пяток», – похвалился кто-то из правительства. «Конечно, у канадского дуба лист покрепче и пошире, но наш дуб лучше: листья помясистей. Веник ведь не для того, чтобы хлестать себя до опупения, им распаривают тело – раскрываются поры, листья выделяют эфирные масла, антисептик – и организм очищается», – авторитетно заявил представитель объединения «Патриоты России». «То-то после этого очищения сразу стакан просит-ся», заметил кто-то за дверьми. «К сожалению, и веники, и стоимость билета в баню стремительно дорожают. Мэр толковый мужик, а мышей не ловит, какие-то баннеры, развязки, рынки, а в Москве вообще нет для народа общественных бань. Всё приватизировано, потому и цены такие. Кто-то же должен заботиться о здоровье нации!» – с горечью воскликнул представитель ФСБ. Тут выступил представитель от внесистемной оппозиции: «Если бы мы чуть-чуть вякнули в нашей программе о проблемах бани, то на выборах мэра Москвы, как минимум, получили бы еще десять процентов». – «А я помню, когда веники были по десять копеек. Зря мы Хруща скинули...», – сказал тип в темных очках. После этого все задумались и замолчали.

13

«Идет!» – шепотом, но таким, что всем стало слышно, произнес Сергей Сергеевич. «Кто, горилла?» – спросил представитель СВР, не особо разбираясь в разновидностях приматов. «Сам ты горилла», – зло ответил Сергей Сергеевич, поняв, что терять ему нечего, и продолжал, – «Ёж». – «Ёб...», – изумленно произнес ответственный секретарь президиума генерального совета партии «Единая Россия». «Не ёж, а ежиха», – со знанием дела поправил член Президиума РАН. «А что это у нее на спине?» – спросила какая-то неизвестная личность. «Где-то веник надыбал», – ухмыляясь, заметил тип в темных очках.

Тем временем ежиха не спеша, под тяжестью веника, пробиралась по тропинке сада к крыльцу, на котором радостно улыбаясь сидел Михаил. В комнате воцарилась такая тишина, что слышно было, как где-то грохочет комар. Ежиха остановилась перед Михаилом, потерлась о ботинок, высунула свой острый носик и тут в оглушительной тишине раздалось нежное похрюкивание, в котором совершенно отчетливо послышалось: «Миш, а ты меня любишь?» – «О, Марго!» – прошептал Миша во сне.

P.S.

Разразился грандиозный скандал. Ракетный удар по Сирии был отменен, а для Российской Академии Наук наступили тяжелые времена, и начались они с введения моратория на избрание в члены РАН. Правительство было вынуждено уйти в отставку, поводом для чего послужило обвинение в неэффективном расходовании бюджетных средств. В свою очередь, был распущен отдел «Стратегических инициатив», а мэр получил выговор с формулировкой

«неполное служебное соответствие». Наконец, было заявлено о необходимости проведения в стране структурных реформ.

Михаил, которого с трудом вывели из летаргического сна, вдруг получил официальное письмо от киностудии «Беларусьфильм». В нем говорилось, что киностудия хоть сейчас готова приступить к экранизации его романа «Секс в космосе» в формате 3д, если автор вплетет в основную канву событий обретение страной независимости и введение престолонаследия.

Сергей Сергеич Полухренов лишился работы и в состоянии глубокой депрессии попал в психиатрическую лечебницу, где каждые полчаса повторял одно и то же слово: «Идет!» Наденька подала на развод и не дожидаясь суда забрала Полухренова из сумасшедшего дома. Вскоре они поженились.

*Москва
2013*